

Инициатива дѣйствій

1

«Новый Град» дѣлает опыт созданія «свободной трибуны», — попытку обсуждения перед всѣми стоящих жгучих вопросов болѣе широким кругом участников, в том числѣ и таких, которые далеко не согласны с общей «установкой» позиціи «Новаго Града». Опыт этот слѣдует привѣтствовать. Исканіе «путей Россіи» не требует замкнутости группировок, — замкнутость нужна лишь для политических программных дѣйствій. Между тѣм идейная работа зарубежья переживает нѣкоторый застой: сегодняшняя неразрѣшимость многих жгучих вопросов утомляет и родит апатію. С этим состояніем необходимо бороться коллективными усиліями: уснувшая мысль — могила для дѣйствій...

Однако, свободная трибуна принесет дѣйствительную пользу лишь при соблюденіи нѣкоторых условій. Первое и основное из них, — если она не выродится в личную полемику часто с забвеніем существа вопроса, поставленнаго на обсужденіе, и второе — если обсужденіе будет стремиться к раскрытію всѣх сторон вопроса, а не будет уклоняться в лафос агитациі в пользу излюбленных личных или групповых теорій участников. Другими словами, требуется нѣкоторый академизм в разсмотрѣніи поставленных вопросов, ясность формулировок, полнота аргументациі, а не «увод душ» красотой краснорѣчія. Агитация и краснорѣчіе цѣнны в других мѣстах, — быть может, даже не сейчас, не в наше время... Ибо совершенно прав Г. П. Федотов: «Россія все еще скрыта отсюда в грозовых тучах. Все, что мы можем, это отдать себѣ отчет в направленіи

*) «Свободная трибуна» создается редакціей для авторов, не раздѣляющих в цѣлом міровоззрѣніи «Новаго Града», но заинтересованных в его проблематикѣ.

еле видимых дорог». Правильно. Ну, а для «отдания отчета» пафос краснорѣчія, пожалуй, даже вреден: от шумных фраз может и еле видимое стать невидимым...

II

Позволю себѣ поставить на обсужденіе ряд вопросов, не сходящих со страниц зарубежной прессы, постоянно фигурирующих в темах общественных собраний, и даже превратившихся в ходячую монету, правда, неизвѣстной цѣнности. Мнѣ кажется, что первое мѣсто — в порядкѣ обсуждения — принадлежит так называемой «пореволюционности». Надо, наконец, установить точный смысл этого понятія, претерпѣвшего за послѣдніе два-три года странную эволюцію.

Когда этот термин родился на свѣт Божій и был пущен в ход, он мог быть отнесен лишь к области хронологіи: эпоха послѣ революціи. В этом смыслѣ «пореволюционными» были, разумѣется, всѣ: большевики и Марков II, евразійцы и младороссы, эрдеки и эс-эры и прочія партіи, группы и организациі. Разумѣется также, что всѣ группы и партіи должны были учесть измѣненія, совершенныя в странѣ революціей, — учесть их под углом зрѣнія своих программ и воззрѣній. Таких групп, которыя «проспали бы революцію» ¹⁾ не могло быть. Не могло быть и неизмѣнности старых программ или тактических приѣмов: слишком грандіозен был переворот и послѣдовавшій за ним землетрясенія. Одни ринулись рѣзко назад, другіе, напротив, стали максималистами, третьи отошли в сторону, не желая принимать участія в «россійских преступленіях», четвертые, наиболее стойкіе и реалистичные, стали вносить в свои программы измѣненія, соотвѣтствующія по их предположеніям будущему классовому и хозяйственному строенію Россіи. Вообще, «стоячей воды» не было: надо было ориентироваться в новом положеніи и найти свое мѣсто и прежде всего — свое мѣсто в продолжающейся гражданской войнѣ.

Постепенно, однако, смысл термина «пореволюціонный»

¹⁾ В 1920 и позднѣйших годах большевики «открывали» на сѣверѣ в Россіи и в горах Алтая народцы, совѣтъ не знаяшіе, что царь пал, что в Россіи совѣтская власть, и т. д.

стал мѣняться. Он стал приобрѣтать смысл не только хронологическій, но и «міровоззрѣнческой», — он стал признаком какой-то классификаціи теченій и организацій. Его стали присваивать и что-то такое особое под ним обозначать. Сначала евразійцы, затѣм утвержденцы, потом младороссы, потом «Новый Град» стали «под знамя пореволюціонности»... Мы — «організація пореволюціонная!». Это говорилось с пафосом, с особой значительностью, с удареніем на словѣ, получившем дежурное назначеніе — быть лозунгом. Дежурныя слова, слова облеченныя особым смыслом, россияне любят. Под слово можно было и в прежнія, дореволюціонныя времена собрать довольно значительныя группы. Слово было часто лишь зыком какой-то сложной мистической сущности. Мы, старшіе, хорошо знаем, какое значеніе имѣло в прошлом слово «революціонер». Это был не тлько человекъ, бросавшій бомбы, устраивавшій стачки и возстанія, — нѣтъ. В представленіи многих, революціонеры были людьми, связанными с какой-то таинственной и могущественной организаціей, людьми, до извѣстной степени опредѣлявшими судьбы Россіи. Анархисты на Западѣ, пользовавшіеся тѣми же революціонными методами, как и русскіе революціонеры, никогда не окружались, даже своими послѣдователями, таким ореолом, и никогда не выростали до таких мистических высот, как революціонеры русскіе. Объясненіе этому своеобразному мистицизму найти нетрудно. На Западѣ каждая партія — при давно установившейся политической свободѣ — рассчитывает, имѣя перед собой гораздо болѣе величин извѣстных, чѣм иксов, — обстоятельствъ непредвидѣнных. В Россіи — наоборот: величин извѣстных, доступных учету, почти нѣтъ, иксов же — превеликое множество. Отсюда — расцвѣтъ фантазій: иксы каждому могут представляться по разному, — об иксах даже спорить нельзя. Отсюда же — особое значеніе «удач» и «неудач». Удачу или неудачу опредѣляет не точно или плохо рассчитанное дѣйствіе, а конъюнктура... В 90-х годах было время, когда послѣ массовых арестов в социал-демократической партіи уцѣлѣлъ один человекъ (член комитета Радченко) с печатью. Но успѣхи «социал-демократіи» были огромны: Радченко удачно ставил печати на прокламаціях, которыя подхватывали тысячи рабочих, устраивавшіе за-

бастовки. Дѣло простое и *post factum* — понятное. Но тогда — благодаря конъюнктурѣ — Радченко выросал в легендарную фигуру: в его лицѣ работала «могущественная» социал-демократія!

Этот своеобразный характер русской политики ведет к слѣдствію почти неизбежному: к засилью мистики, ничѣм не связанной фантазіи, и даже к извѣстному психологическому от-вращенію ко всякаго рода учетам и расчетам западно-европейскаго типа. Большевики даже *ultra*-реалистическую философію Маркса и Энгельса сумѣли превратить в книгу судеб, от сотворенія міра и до конца времен извѣстных только им, магам марксизма.

Теперь — очередь за термином «пореволуціонный»... Это тоже ключ, открывающій всѣ тайны прошлаго и будущаго. Ему, этому волшебному слову, предстоит — по пророчеству написавших его на своем знамени — совершить блестящую карьеру, — такую же, как карьера его собрата в прошлом — революціонера...

III

Тип стараго революціонера и его идеологія были совершенно ясны. Он почти полностью отвергал существующій строй и не боялся его разрушенія. Иногда, скорѣе для оправданія своей тактики, чѣм для практических цѣлей, он предлагал «строю» компромисс: знаменитое письмо Исполнительнаго Комитета Александру III. Революціонеры готовы были принять конституціонную монархію, чтобы на почвѣ европейской конституціи продолжать революцію до ея конечных социальных предѣлов. А когда этот компромисс не был принятъ, они с чистой совѣстью продолжали дѣло разрушенія ненавистнаго им строя.

Тип «пореволуціонера» не только неясен, но и противорѣчив в самых основных его тенденціях. Кто они такіе — пореволуціонеры? Так же, как и старые революціонеры, они разбиваются на кланы, группы, подгруппы — с разными оттенками. Если суммировать всѣ их высказыванія, — можно с нѣ-

которой грубостью формулировок ²⁾ вывести их типичныя черты. Попробуем это сдѣлать.

1. Всѣ пореволюціонеры — революціонеры. Они — против коммунизма и хотят его уничтожить всячески: идейной пропагандой, заразительностью лозунгов, но также и революціонными дѣйствіями.

2. Затѣм они вспоминают, что, вѣдь, свершилась великая революція и что от нея непременно надо что-то «пріять». ³⁾

3. Дальше начинаются раздѣленія на группы: одни предлагают «пріять» больше, другіе меньше, одни — «націоналисты-максималисты», другіе тоже націоналисты, но не столь максимальные...

4. «Пріять» что-то от революціи нельзя, не «чувствуя эпохи». Всѣ пореволюціонеры «чувствуют эпоху», ея вѣянія, ея дыханіе, ея «мистическую историческую идею». Всѣ они — мессіане. Всѣ они призваны что-то «совершить» Совершенія свершенія — в их лексиконѣ.

5. «Свершать» им придется не только в лабиринтѣ россійских тупиков, но и в атмосферѣ !всемірной катастрофы». Глубокой кризис мірового хозяйства дает им повод читать Апокалипсис и задумываться о «концѣ всѣх концов», если... Если к спасенію міра не приложат своих рук не простые смертные (простых смертных, человѣков обыкновенных, пореволюціонеры не любят), а люди «с широкими горизонтами, с творческим воображеніем, с большими идеями», то мір не спасется вовсе. «Развѣ не удивительно, что вождями современнаго человѣчества являются такіе «фантастическіе» люди, как Ганди, Сталин, Гитлер и Муссолини?» ⁴⁾ И потому — поиски «фантастических» людей и любовь — к необычному. Анализировать происхождение столь разных людей, как Сталин и Муссолини, Ганди и Гитлер, понять их дѣйствія в свѣтѣ особых національных условий их стран, — зачѣм? Люди большіе, с неистощимой «творческой фантазіей», значит, — возведем их в ранг «вождей чело-вѣчества»... О результатах их «вожачества» — когда-нибудь

²⁾ Неясное нельзя формулировать «тонко». Тонкость мысли всегда связана с ея отчетливостью.

³⁾ Непременно «пріять», а не принять. Первое слово сочтѣе вторюго...

⁴⁾ Удивленіе И. И. Буцакова.

послѣ... Достаточно того, что всѣ они великолѣпно фантазируют и... столь же великолѣпно гипнотизируют подвластных им людей, болѣе слабых мозгами и сердцами.

6. Большевиков можно побѣдить только «міросозерцаніем»... У них «цѣлостное міросозерцаніе», и у нас должно быть тоже что-нибудь цѣлостное... Конкретныя программы интересуют менте. Во-первых, как создать эти программы, когда еще неизвѣстно, что выйдет из большевицких опытов, а, вторых, большевики, вѣдь, «осуществляют» многое из того, что стали бы осуществлять и пореволюціонеры. Вот тут-то и начинается ряд противорѣчій, идейных провалов, «неувязок» и уже безусловное отсутствіе «творческой фантазіи»: прикованность к большевицким «опытам» и полная неспособность представить, что могло бы быть на мѣстѣ того же хозяйственного и культурнаго російскаго поля при других предначертаніях власти. Неспособность даже остро наблюдать. При болѣе остром наблюденіи нетрудно было бы фактически установить зигагообразную линію совѣтской политики: грандіозный «опыт» и — трусливый спуск на тормозах в угоду требованій вот этого самаго безбрежнаго русскаго поля... Снова «опыт» и снова отступленіе. Кропотливый, но не фантастическій анализ привел бы и к установленію принципиальной линіи этих уступок: эта линія рѣзко отклоняется от «ком-міросозерцанія» и неуклонно идет к «единоличію» мужицкаго управленія своим хозяйством» и в сторону сниженія «американизации страны», не готовой к этому в силу своих культурно-бытовых и экономических условій. Но этой линіи пореволюціонеры не видят. Напротив, — нѣкоторые из них категоричны: не только догнать, но и перегнать большевиков! Большевики усиленно насаждают «государственный капитализм», а мы, пореволюціонеры, вовсе, начисто капитализм уничтожим, ибо «нѣянія эпохи — в апофеозѣ труда»... Что-то такое «трудовое», но отнюдь не капиталистическое. И не социалистическое, ибо социализм стараго типа тоже обанкротился... Обанкротились также и парламентаризм и демократія... Их «затуханіе» — не временное слѣдствіе войны, а изжитость их принципов, их тактики, их цѣлесообразности. Да и вся европейская культура. И т. д. — Напрасно, однако, мы стали бы искать очерта-

ній, конкретных очертаній этого будущаго строя «пореволуціонеров». Когда этих очертаній нѣтъ в природѣ, то очевидно, что самая фантастическая из фантазій безсильна их создать.⁵⁾

IV

Внимательно изучая высказыванія пореволуціонеров, невольно задаешь себѣ вопрос: почему звучит в них что-то давно знакомое, слышанное не раз? С чѣм созвучіе, лишь изрѣдка нарушаемое отдѣльными диссонансами? Года два тому назад пришлось читать одну из программ евразійцев. Потом эта программа куда-то скрылась. Поразило почти полное, — а в строеніи всѣх «идеократій», диктатуры отбора и т. д. даже полное, — сходство с внутренним духом коммунистических тенденцій. Встрѣчая часто такое же сходство в идеях других групп этого типа, приходишь к невольному выводу и об общей тенденціи «пореволуціонеров»: эти тенденціи находятся в какой-то идейной зависимости от «Октября». В какой?

В Октябрѣ 1917 года большевики проявили огромную инициативу дѣйствій. Зависимое (в принципѣ) от «воли народа», от «будущаго Учредительнаго Собранія» и от настоящаго Совѣта рабочих и солдатских депутатов Временное Правительство, напротив, было слабо инициативой контр-дѣйствій. Между тѣм в революціях инициатива дѣйствій имѣет рѣшающее значеніе: лозунгов и дѣйствій требует взволнованная и революціонная толпа. Ошибочно думать, что эту революціонную толпу большевики взяли «цѣлостным міросозерцаніем». Цѣлостное міросозерцаніе вообще недоступно толпѣ. Масса идет лишь за лозунгами. Міросозерцанія имѣют значеніе лишь воспитательное, — в періоды покоя, затишья. «Мир хижинам и война дворцам», «долой войну», «долой десять министров-капиталистов»,

⁵⁾ В противоположность этим неясностям, — больше отрицаніям, чѣм утвержденіям, — русских пореволуціонеров, интересно процитировать заявленіе тоже «пореволуціоннаго» нѣмецкаго генерала Шлейхера, вчерашняго канцлера: «Теперь нѣтъ в мірѣ чистаго капитализма, но нѣтъ еще нигдѣ и чистаго социализма, — заявил он в одной из своих рѣчей. — Приходится брать необходимые элементы из той и другой концепціи, — в зависимости от потребностей государства и народа».

«земля крестьянам», «фабрики рабочим» — это не міросозерцаніе, это — боевые лозунги. На них шла толпа, огромная часть измученнаго войной народа. К лозунгам бѣлаго движенія «Единая-Недѣлимая», «Собственность — основа порядка», «Земля крестьянам — за выкуп» и т. д. массы оставались холодны. Инициатива дѣйствій большевиков была поддѣржана и в значительной степени осуществлена руками не одних чекистов. Помѣшников и буржуев охотно мучили и разстрѣливали, войну тотчас же прикончили, фабрики взяли, из «дворцов» прежних обитателей изгнали и поселили новых. Проявляя инициативу дѣйствій, большевики точных расчетов дѣлать не могли: игра была со множеством неизвѣстных. «Удача», «конъюнктура» оказались в их пользу. Как говорил на одном съѣздѣ Ленин, — «апельсины сваливались им с неба». Вѣдь, теперь уже извѣстно из их собственных писаній о прошлом, что часть Ц.К. была и против Брестскаго мира, и против возстанія вообще. Смѣльчаки побѣдили... Побѣдили и — к своему удивленію и к удивленію всего міра — увидѣли, что «инициатива дѣйствій» продолжает оставаться в их руках. Временно взятая инициатива бѣлой борьбы разбилась о ту же «конъюнктуру»: то, что давало «удачу» большевикам, становилось «неудачей» для бѣлых армій, — настроеніе революціоннаго народа, — и прежде всего активных его слоев: солдат демобилизованной арміи.

Послѣ крушенія бѣлаго движенія инициатива дѣйствій все время продолжала оставаться в руках побѣдивших большевиков. И вскорѣ же они отлично поняли цѣнность обладанія такой «дѣйственной» инициативой; они ея не выпускали ни на минуту, руководствуясь соображеніем: лучше ошибка, чѣм бездѣйствіе! И они дѣйствуют, — дѣйствуют, сегодня разрушая то, что им же казалось неизбежным вчера.

Но всякій дѣйствующій оказывает неизмѣримо большее вліяніе, чѣм созерцающій или только критикующій. Естественно, что за инициативой дѣйствій по прошествіи многих лѣтъ к большевикам то тут, то там стала переходить и сила вліянія. Эта сила увеличилась, когда в порядкѣ инициативы новаго дѣйствія появился пятилѣтній план. Это дѣйствіе совпало опять с «неудачей». Міровой кризис заставил мечущихся в поисках вы-

хода людей обратить взоры на счастливый восток: не там ли ключ к разрѣшенію страшной проблемы безработицы и прочих атрибутов кризиса? Планированіе стало модным не только у русских пореволюціонеров, но и у многих иностранцев. Но, тогда как послѣдніе ищутъ формы, размѣров и методов планированія, русскіе во всем максималисты! — во всѣ свои программы ввели, без критики и опредѣленія объема, регулированіе государством! И хотя «завтра» предстоитъ в Россіи вовсе не обсужденіе регулированія, а, наоборот, раскрѣпощеніе от регулирующаго всевластія государства, — все равно! «Завтра» посмотрим. А сегодня будемъ пропагандировать «планированіе»...

Нечего говорить, конечно, о вліяніи большевиковъ в смыслѣ дискредитированія парламентаризма, демократіи, в смыслѣ развитія доказательствъ «грознаго упадка западной культуры» и т. д. и т. д. Сохраняя инициативу дѣйствій в теченіе 15 лѣтъ, они сохраняютъ и даже развиваютъ свое идейное вліяніе. Это совершать имъ тѣмъ легче, что революція всегда производитъ идейное опустошеніе в рядахъ идеологовъ, пытающихся итти «противъ теченія». Революціонное теченіе — всегда очень большой силы. Устоять или итти противъ него не у всѣхъ хватаетъ силъ. Поэтому весьма часто революціонное сущее принимается за должное, обусловленное извѣстными причинами — за эманацию вселенской правды — истины. Анализъ и признаніе причинъ силы революціи подмѣняется «пріятіемъ» ея вѣлннй, часто преходящихъ и временныхъ даже для самихъ дѣйствующихъ революціонеровъ.

Такъ рядомъ с инициативой дѣйствій производятъ большевики «уводъ душъ» пореволюціонеровъ идеями... А сами в это время — какъ раки — пятятся назадъ, къ «прочнымъ договорамъ» съ капитализмомъ и къ «накопленію національнаго богатства Россіи», дающаго возможность помѣриться силами со странами меньшей силы... Тѣ же приемы «вооруженій», какъ и у капиталистовъ, тѣ же методы «накопленія и эксплуатаціи», что и у капитализма, лишь по-восточному усиленные и по грубости нравовъ — кровью окрашенные... Никакихъ признаковъ истиннаго коммунизма Платона, Оуэна и тѣмъ болѣе Маркса — нѣтъ и слѣда.

Такъ обстоитъ дѣло съ инициативой дѣйствія, переходящей въ инициативу идейнаго порабоженія...

Слѣдует ли из всего вышесказаннаго, что от русской революціи, — даже в ея октябрьском обликѣ, — нечего «пріять», нечего закрѣпить, нечему идейно поклониться?

Абсолютно не слѣдует. Напротив, в русской дѣйствительности, огнем переплавленной, есть уже и сейчас основы, которым «завтра» предстоит развиться, укрѣпиться, дать новые ростки. Но эти основы — не система, павязываемая народу сверху и не «міросозерцаніе», цѣлостность котораго вбита в головы людей большевицким молотом. Нѣтъ. Эти основы — в олытѣ народа и в его духовной расцѣпкѣ прошлаго, настоящаго и будущаго. И есть, поэтому, страшный порок во всѣх разсужденіях «пореволуціонеров»: презрѣніе вот к этому коллективному опыту народа. Презрѣніе это выражается в том, что «диктатура» сильных людей приковывает их вниманіе неизмѣримо больше, чѣм желаніе выслушать «волю народа», понять, какой хозяйственный, политическій и бытовой строй ему нужен. О, это старо, — спрашивать народ, чего он хочет... Идеократія, «мы», планирующіе, «мы» — мессіи, вот кто будет орудовать «завтра» и брать на себя инициативу дѣйствій. Если бы этого презрѣнія не было, люди думали бы над формой, — политической формой такого опроса, такого интереса к высказываніям самого народа, в лицѣ его рядовых масс, в лицѣ не «отобранных» диктатором, а снизу выдвинутых природным разумом переживающаго революцію народа. О «народѣ» вообще в пореволуціонных кругах говорить не принято. Это старо. Это устарѣло. Это пахнет затхлостью 60-х годов. Гораздо интереснѣе люди «великой фантазіи», — Гитлер, Сталин, Муссолини... Инициатива дѣйствій — у них. А, слѣдовательно, и инициатива идейнаго вліянія.

Ек. Кускова.